

ιστέον ὅτι или просто ὅτι, как правило, сопровождающие всякий новый абзац основной части трактата Константина.¹ Т. Моммзен считал рассказы, приведенные в этой главе, „херсонесскими сказками“.² Иначе относился к ним Р. Гарнетт, который трактовал эти рассказы как исторически достоверные и старался лишь уточнить их хронологию и имена действующих лиц.³ Г. Манойлович видит в главной части главы 53 текстуальную копию херсонесской летописи или сказания (ιστορία) и считает несомненным, что основой для этого литературного произведения служила херсонесская летопись, в которую были внесены поправки и дополнения (порой баснословного характера) о необычайных или важных событиях.⁴

Действительно, как показывает анализ этой главы, нельзя отрицать, что в основе передаваемых здесь сказаний лежит какое-то историческое зерно, хотя оно окружено таким количеством вымышленных фактов, что не может быть еще выделено с большей или меньшей точностью. За известную реальность рассказа говорит его рельефно выступающий местный колорит, точное знание города и его округа, ссылка на поставленные в нем памятники. Даже Т. Моммзен находил заслуживающим внимания указываемые в этой главе городские привилегии и владения.⁵ Но центр тяжести главы 53 заключается не в этой ее части, заимствованной из херсонесской летописи. Вслед за ней следует дополнение, начинающееся стереотипным *ιστέον*: это дополнение представляет собой наставление наследнику престола; здесь перечисляется ряд мероприятий, которые следует провести византийскому правительству в случае возможного отпадения Херсонеса от империи. Этот небольшой отрывок более важен, чем вся длинная предшествующая история Херсонеса, изложенная в стиле занимательного рассказа. Он повествует о современных событиях и содержит перечисление тех репрессивных мер, которые византийское правительство должно обрушить на головы херсонитов в случае отпадения их города от империи.

Из всего вышесказанного становится понятной как главная цель работы, так и то обстоятельство, что автор обращает усиленное внимание на одни народы и оставляет без внимания другие или говорит о них только мимоходом. Главная цель его работы заключается не в том, чтобы дать своему сыну и наследнику обстоятельное и объективное описание сопредельных стран и народов, а в том, чтобы повстать его в агрессивные замыслы Византии.

Стремясь внушить сыну мысль о необходимости возвращения захваченных арабами византийских территорий, он подогревает надежды на скорый крах арабского могущества. Чтобы ввести наследника в курс захватнических планов Византии по отношению к сербам и хорватам, он останавливается на географии Сербии, Далмации, Хорватии, подробно излагая предшествующую историю этих народностей и тенденциозно извращая ее в интересах византийской политики. С историей южных славян тесно связывается история венгров; поэтому Константин не может обойти молчанием и Венгрию. Не упускается из поля зрения Южная Италия и Венеция. Такой же „интерес“, продиктованный

¹ Ср. Изв. ГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 68, прим. 106.

² Т. Mommsen. Römische Geschichte, Bd. V, Berlin, 1885, S. 291, Anm.

³ R. Garnett. The Story of Giccia, „The English Historical Review“, v. XII, 1895, p. 100—105.

⁴ Г. Манойлович. Ук. соч., стр. 17—36.

⁵ Ср. С. П. Шестаков. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. М., 1908, стр. 5, прим. 5.